

Франсуа Брюн

ХРИСТОС и карма

Возможен ли компромисс?

Франсуа Брюн

**Христос и карма.
Возможен ли компромисс?**

«Алетейя»

2017

УДК 2-1
ББК 86.2

Брюн Ф.

Христос и карма. Возможен ли компромисс? / Ф. Брюн —
«Алетейя», 2017

ISBN 978-5-906860-84-2

Эта книга – уникальный эксперимент, дерзновенная попытка, предпринятая известным французским богословом, католическим священником Франсуа Брюном, – вступить в диалог с другими религиями и рассмотреть: что на самом деле представляет из себя ставшее модным в новейших концепциях понятие кармы? Совместимо ли оно с христианством? И может ли оно что-то дать современному христианину? В попытке ответить на эти вопросы мы отправляемся, вместе с автором, в уникальное путешествие по временам и странам, рассматривая и сопоставляя различные концепции спасения и представления о Боге и человеке в мировых религиях, в различных направлениях христианского богословия и в современной науке. Чтобы прийти к удивительному открытию, убедительно донесенному до читателя автором: что мы любимы Богом, что Бог во Христе ради нас стал Человеком, что Бог ждет от нас ответной любви, что такую любовь мы можем дать Ему только свободно, и что любовь к Богу неотделима от любви к человеку, к ближнему, ко всему человечеству.

УДК 2-1
ББК 86.2

ISBN 978-5-906860-84-2

© Брюн Ф., 2017

© Алтейя, 2017

Содержание

Вступительное слово	7
Введение	9
Основная схема	11
Глава I. Спасение, врученное нам извне: в христианстве	14
1. Молитва за других	15
Красивая проповедь	15
2. Накопление заслуг ради других	17
Садистский Бог традиционной теологии	17
Усовершенствованный Катехизис	18
«Искупительное» страдание в жизни святых	18
3. Теология крещения	21
Очень «поучительный» пример	21
Источник: блаженный Августин	21
Практическое применение	22
Как мы дошли до этого?	22
Как, ничего не меняя, уменьшить ущерб	23
Уколы, впрыскивающие Божественную жизнь (за счет пациента)	24
Этапы медленной эволюции	25
Новый «Катехизис Католической церкви»	26
4. Еще один способ отпущения грехов	28
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Христос и карма. Возможен ли компромисс?

© Ф. Брюн, 2017

© Н. В. Ликвинцева, перевод, 2017

© Издательство «Алетейя» (СПб.), 2017

* * *

Вступительное слово

Книга Франсуа Брюна «Христос и карма. Возможен ли компромисс?», опубликованная в 2012 году во французском издательстве «Le Temps présent», посвящена давней тяжбе между христианами и кармой.

Карму часто описывают как верование, конкурирующее с традиционными разновидностями веры. Иногда карму соотносят с тем или иным народом или группой людей, иногда это индивидуальное верование: но в разных странах или у разных групп карма оказывается не столько доктриной, сколько методологическим подходом, позволяющим по-разному описывать существование разных доктрин в самых разных частях света. В этом отношении весьма показателен пример Татьяны Горичевой. Она рассказывает, как когда-то воспользовалась молитвой «Отче наш» во время занятия йогой, и как эта молитва привела ее к обращению в христианство.

Само название книги говорит о том, что ее автор, как и многие до него, берет на себя этот тяжелый труд: еще раз попытаться примирить карму с христианством, понять, возможны ли тут компромиссы. И ставит под вопрос, начинает чуть ли не с опровержения основных христианских догматов. Как образованный католик, Франсуа Брюн хорошо осведомлен и о том, что в первые два века нашей эры бытовали разные формы «гнозиса», дошедшие до нас в виде теорий разных гностических мыслителей. На самом же деле, такое вопрошание оказывается очень продуктивным, оно ведет нас к принятию новых подходов, близких к понятию кармы, но всецело христианских.

Метод рассуждения в книге очень близок к платоновскому диалогу, мысль движется от одного отрицания к другому, в итоге создавая утверждение того, что противоположно предыдущим отрицаниям. Таким путем автор приходит к новому принятию всей христианской догматики, которая оказывается при этом как бы «перевернутой», заново открытой и сформулированной, и тем самым приемлемой для современного восприятия. Прохождение через понятие кармы становится для автора книги необходимым моментом такого преобразования догматики. Восточные вероисповедания, и прежде всего, православие, оказываются для Франсуа своеобразным маяком, православного философа и богослова Владимира Лосского автор считает одним из крупнейших христианских мыслителей нашего времени.

Отметим сразу, что понятие кармы гораздо древнее монотеистических религий. Оно уходит своими корнями в глубь тысячелетий. Автор книги подробно анализирует самые разные примеры верований в идею «реинкарнации». В позитивном варианте таких верований карма может привести того, кто в нее верит, в рай, в отрицательном же варианте она его приведет к перевоплощению в какое-нибудь не слишком приятное существо. Весь этот спектр возможностей подробно рассматривается и анализируется в книге. Интересно в этом труде и то, что Франсуа Брюн, не будучи физиком или биологом, очень хорошо осведомлен и учитывает новейшие достижения современной науки, что, безусловно, очень важно для любого честного и внушающего доверие исследователя в наше время.

Автор книги хорошо знаком с традициями ислама, индуизма и буддизма и совершает грамотные экскурсии в них, высвечивая там то противоречия, то удачи и находки. Все это очень важно для современного человека, живущего в контексте разворачивающейся глобализации.

Для современного русскоязычного читателя книга эта представляет интерес еще и в социологическом аспекте: ведь большая часть современных россиян, уже успевших стать взрослыми, не прошли путь христианского воспитания и формирования в традиционной православной семье. В случае духовных поисков они будут обращаться к самым разным традициям и верованиям: и конечно, их внимание привлечет к себе идея кармы и доктрина реин-

карнации. Книга Франсуа Брюна может повернуть их от притягательности кармы к настоящей встрече со Христом.

Добавим также, что у книги богатейший арсенал научных примечаний и библиографических сносок, что всегда ценно для исследования такого рода.

И самое важное в этой книге, то, ради чего Франсуа и начинал ее писать, и к чему мы, следуя за мыслью автора приходим в конце, – это убедительный вывод о том, что Бог, Христос, есть Любовь. На этой ноте любви заканчивается книга, к Любви и приведет она вдумчивого читателя.

Протоиерей Николай Лосский (Париж, Франция)

Введение

Руан, 19 мая 1994 года, четверг. Церковь Сан-Годар просто потрясла меня своей красотой. Война пощадила ее, так что и по сей день там остались в целостности и сохранности все витражи. В Руане она не так знаменита, как другие, поэтому толпы туристов обходят ее стороной. Возле исповедальни горит огонек. Старик священник погружен в молитву. Он очень стар: я узнал потом, что ему 89 лет. Конечно, преемников ему не так-то легко найти. На стенде у входа в собор можно прочесть, что средний возраст священников в этой епархии 68 лет. Так было тогда по всей Франции, не только здесь. В 2012 он составлял уже 75 лет, а в 2020 будет... Этот храбрый старик, несмотря на свой возраст, все еще служит..., но по сути, кому же он служит? Церковь пуста. Нет ни одного человека! Кажется, что его служение не нужно вообще никому.

Бедная Церковь: она исчезает прямо у нас на глазах, и никто этого исчезновения не замечает, ведь уже довольно давно она просто никому не интересна.

И все же!

С каждым днем становится все очевиднее, что мир сей не имеет никакого смысла, что приоритетными в нем оказываются совершенно извращенные ценности. Всё точно так же стремится к обновлению, как природа под конец зимы. Мы уже знаем, что для того, чтобы стало лучше, не достаточно просто сменить политический режим, совершить еще одну очередную революцию. Это и не вопрос лучшего устройства общества, более гибких социальных структур.

То, что толкает стольких молодых людей на самоубийство, или приучает к наркотикам (что тоже форма самоубийства, только более медленная), – это пустота, это глубинный ужас перед лишенным смысла существованием, перед жизнью, которая никуда не ведет. Если все кончается небытием, зачем тянуть, тогда уж лучше нырнуть в него сразу.

Но зато именно пустота сильнее всего взывает к Абсолюту. Избежать небытия и абсурда мы сможем, только если найдем смысл, и найдем его в избытке. Именно это когда-то случилось с Татьяной Горичевой, в то время она была ленинградской комсомолкой. Да, город тогда еще назывался Ленинградом. Она вела в нем двойную жизнь. Днем она наслаждалась своим положением «блестящей студентки, одной из лучших на философском факультете, знакомой с самыми утонченными интеллектуалами, погруженной в умные разговоры эрудитов, в изысканную игру в духовную жизнь». Но зато по ночам она погружалась в безнадежное отчаяние «в обществе парий, в логовах воров, безумцев и наркоманов». «Мы выискивали грязные места, мы пили в сараях и подвалах».

Это был экзистенциалистский этап ее жизни, от его значимости она не отрекается и по сей день: «Сартр, этот общепризнанный враг веры, тем не менее сумел подвести нас к тому самому краю отчаяния, за которым уже начинается вера».

Следующим этапом стало увлечение йогой: «Мало-помалу я научилась пользоваться теми загадочными “энергиями”, которые мне открылись. Йога привлекала меня тем, что там проповедовался “энергетизм”, т. е. материализм без примеси всяких “басен”. Поэтому для нас, людей неверующих, она стала своеобразным мостиком между эмпирическим и трансцендентальными мирами... Но пустота, уже давно ставшая экзистенциальной, все никак не наполнялась; наоборот, она все росла и росла, превращаясь в мистический ужас, доводивший меня почти до безумия».

«Я никогда не молилась и даже не знала ни одной молитвы. Но вот один из учебников йоги предложил поупражняться с “Отче наш”, Господней молитвой. Я начала читать ее, как мантру, без выражения, почти автоматически. Я прочитала так раз шесть, и вдруг, как будто что-то внутри меня перевернулось. Вовсе не мой убогий разум, но все мое существо вдруг осознало, что Он есть, Бог живой и личный, любящий меня и все творение, Бог, создавший

этот мир и из любви ставший человеком, Бог распятый и воскресший. В один миг мне открылась тайна христианства, тайна подлинной жизни и мое место в этой жизни. Воистину, я была спасена»¹.

Вот почему я остаюсь убежденным христианином.

Одно из несчастий нашей западной христианской культуры в том, что наши богословы «ищут» Бога так, как это пристало философам: предположим, что Бог существует, тогда при каких условиях человек может надеяться суметь Его познать? В какой мере возможно проследить отношения между человеком и Богом?..

Преамбулы к богословию все удлиняются и удлиняются. А самой встречи уже не происходит.

«Кто не видел Бога, не может и богословствовать»², – гласит один из раннехристианских текстов. Да! Первичен как раз опыт Бога, а рассуждения придут потом и именно в этом опыте и почерпнут свою ценность. Если же такого опыта нет в самом истоке, в самой точке отправления, то все остальное будет просто бессмысленно.

В наше время многих привлекают восточные религии, иногда ислам, а теперь к тому же все чаще еще и самые разные эзотерические учения типа «Нью Эйдж», и привлекают как раз потому, что во всех этих течениях, при всем их разнообразии, вам предлагают сразу и с самого начала приобрести некий опыт. Само учение лишь подготавливает вас к этому опыту, сопровождает его и углубляет его последствия. Но все вращается вокруг опыта...

В наших западных церквях духовный опыт слишком часто будто зарезервирован для каких-то исключительных людей, словно что-то недостижимое и даже немного опасное. Если кто-то претендует на прямое общение с Богом, это всегда кажется подозрительным.

И все же, все же, ключом к тайне мира остается Христос: спасение придет лишь от Него, и не как от «самого великого из посвященных», как любят именовать Его в эзотерической литературе, уменьшая и искажая Его значение, – а ведь на самом деле Он гораздо больше, бесконечно больше этого: Он – единственный Сын Божий, Бог, ставший человеком, истинный Бог и истинный человек; бесконечная Божия Любовь, безусловная, снизошедшая к нам и обитающая среди нас. Есть в этом какая-то чудесная тайна, о которой наши несчастные западные церкви разучились говорить и в которую часто уже даже не осмеливаются верить.

Но все это еще и оттого, что они не сумели эту тайну понять. Тот ее образ, который они нам предлагали, слишком часто оказывался карикатурным, недостижимым. Нужно всмотреться в нее заново. Я хотел бы показать вам здесь, что всегда существовало и существует совсем другое понимание тайны Бога, ставшего человеком. И в свете этой тайны все меняется, все становится чудесным.

¹ Tatiana Goritchéva. Nous, convertis d'Union soviétique (Nouvelle Cité, 1983, p. 19–25).

² Цитата из Евагрия Понтийского, византийского богослова IV в. См.: Evagre le Pontique. Centuries // Patrologie orientale, t. XXVIII, fasc. 1, p. 187.

Основная схема

Хотим мы того или нет, современный человек так или иначе соприкасается с самыми разными верованиями, распространенными на нашей планете, будь то величайшие традиционные религии или современные эзотерические учения, которые с большей или меньшей натяжкой можно назвать духовными. Почти во всех наших городах книжным магазинам, прежде называвшимся магазинами религиозной литературы, пришлось поменять и расширить свой ассортимент. Сегодня там христианству будут посвящены всего несколько полок, а на соседних зато можно найти книги по индуизму, буддизму, исламу, каббале, а также литературу по астрологии, нумерологии, таро, нетрадиционной медицине и т. п. и т. д.

Конфронтация между христианством и другими основными религиями стала особенно заметной сначала в «странах миссии», где христианство оказывалось в меньшинстве. Сегодня обмен информацией и населением возрос до такой степени, что защищенных зон уже просто не осталось. Все реже и реже мы оказываемся католиками, иудеями или протестантами лишь потому, что выросли в соответствующем окружении.

Каждый, в зависимости от собственных устремлений, будет искать истину, способную утолить голод его собственного сердца, а также разума. Это движение уже широко началось и в дальнейшем будет лишь все больше и больше набирать силу.

Лично я вовсе об этом не жалею и отнюдь не хотел бы повернуть этот процесс вспять. Я верю, что он всех нас приведет к углублению наших собственных традиций, а значит к духовному росту.

Христианские богословы и философы уже давно старались обнаружить параллели и точки соприкосновения, наладить возможные мосты между нашими западными категориями и понятиями из других языков, абсолютно другими, но не менее легитимными. Я буду цитировать здесь работы Оливье Лакомба, донна Анри лё Со, отцов Жюль Мошанена, Гюя Делёри, Мориса Мопилье, с их интересом к индуизму; отцов де Любака, Кадоваки, Ласалля, Реролля, с их интересом к буддизму; Азена Паласио, Луи Масиньона, Луи Гарде, Рожера Амальдеза, с их интересом к исламу; не говоря уже о Рене Геноне, Амо Дежардене, Мичико Ишигами-Яголитцере и многих других³. . . К этим именам стоит прибавить и тех, кто проделали тот же путь, но в обратном направлении и, не порвав со своей собственной культурой, открыли для себя христианство и стали, в свою очередь, учениками Христа⁴. Стоит также отметить тот обмен монахами, который систематически с 1983 года осуществляется в рамках Духовного обмена Восток-Запад.

Конечно, в своих исследованиях я буду так или иначе опираться на труды этих широко известных специалистов. Но книга, которую вы открыли, это ни в коей мере не очередная работа по «сравнительному религиоведению». Вы не найдете здесь ни систематического изложения существенных положений крупнейших мировых религий, ни детального обсуждения тех или иных отличий между ними. Все это я оставляю специалистам.

Моя задача совсем другая, и она связана с моей личной историей.

После довольно продолжительных филологических штудий я поступил в семинарию Парижского Католического института (так называемую университетскую духовную семинарию). Поступив туда, я был готов перенести строгую дисциплину; я был готов к той аскетичности, которую извне обычно приписывают религиозным институтам; мне кажется, я даже

³ Забавно, но некоторые исследователи при этом считают, что диалог между христианством и другими религиями в Европе только-только начинается! См., например, предисловие Пьера Гизела к книге Джона Б. Кобба «Буддизм, христианство, по ту сторону диалога?» (John B. Cobb. *Bouddhisme, christianisme, au-delà du dialogue?* Labor et Fides, 1988).

⁴ См. книгу Мопилье об индийских мистиках или Реролля о христианах в Японии. См.: М. Maupilier. *Les Mystiques hindous chrétiens* (L'OEIL., 1985); Bernard Rérolle. *Le Japon du silence et la contemplation du Christ* (Le Centurion, 1991).

вполне был готов на некоторые жертвы и лишения. Но зато я надеялся, что мне дадут там Бога. Именно за Ним, в Его поисках, я туда и пришел. И ради этого я готов был вынести все остальное.

Но то богословие, которые пытались вдолбить мне в голову, не удовлетворяло меня ни с интеллектуальной, ни с духовной точки зрения. Так что мне пришлось, с того самого времени, начать искать что-то другое. Это был долгий и обстоятельный поиск, приведший меня в итоге к совсем другому пониманию христианства, к традиции, восходящей к самым первым векам, к той, которую наши мистики всегда спонтанно обнаруживали на собственном опыте. Но я сделал при этом и еще одно открытие: я обнаружил, что в этом, именно так понятом христианстве, есть что-то совершенно уникальное, то, чего больше нигде не найдешь.

Вот этот взгляд на христианство мне и хотелось бы вам предложить. Те беглые и очень ограниченные сравнения с другими религиями или с привычной католической доктриной, которые я буду иногда делать по ходу, понадобятся лишь затем, чтобы подчеркнуть, что при таком понимании христианства в нашу жизнь войдет Христос, и это вхождение будет совершенно ошеломляющим и чудесным. И в то же время мы увидим, хотя тоже лишь бегло и по ходу дела, что такое понимание в конечном итоге окажется более приемлемым для современных нам ученых, чем все прочие богословские концепции.

Итак, посмотрим, в чем конкретно мне тут видится вопрос и проблема.

Крупнейшие мировые религии очень близко подходят друг к другу в одной точке: когда речь заходит о нашем существовании, о единении с Богом. Конечно, я немного упрощаю здесь мысль, и сам это прекрасно понимаю. Конечно, в каждом религиозном течении есть свои, принципиально важные особенности и отличия. Но в целом, мне кажется все же, что объединяет их всех мысль о вечной жизни.

В том же, что касается «механизма» нашего спасения, то есть способа избежать уничтожения в смерти и достигнуть единения с Богом, начинаются уже кардинальные разногласия.

В этом отношении есть два противоположных полюса мысли, к которым, так или иначе, тяготеют все крупнейшие религии. И тут перед нами уже непроходимый тупик, потому что здесь никакой синтез, никакой компромисс, попросту невозможен. Но, помимо всего прочего, оба этих полюса, на мой взгляд, выливаются в итоге в совершенно неприемлемые схемы.

С одной стороны, это направление мысли, создающее впечатление, что наше спасение зависит лишь от внешних действий, без подлинного внутреннего обращения, без нашего соучастия в таком спасении. Стоит лишь механически произнести слова или выполнить определенные обряды, можно даже не самим, их может за нас выполнить кто-то другой, и этого вполне достаточно, чтобы спастись, чтобы прильнуть к источнику всякой жизни и полноты, чтобы нам снова «подключиться» к жизни Бога.

Конечно, если рай, в конечном счете, окажется всего лишь огромным Диснейлендом, то усиленная духовная подготовка к такому раю и вправду окажется излишней. Ведь там, в конце концов, будет уже не важно, сами вы заплатили за входной билет, или это сделал кто-то другой. Но если у нас с вами более возвышенное представление о вечной жизни, тогда необходима окажется своеобразная гармония между предложенным невероятным счастьем и тем человеком, который его получит. Ведь если привести слепого на выставку потрясающих картин – это окажется не благодеянием, а нелепым фарсом. А войти в жизнь Бога без должной подготовки – может оказаться кое-чем и похуже.

Именно христианству, и особенно католицизму, угрожает сегодня это направление мысли, ориентированное на спасение, пожалованное нам извне. Но на эту идею покупались порой и другие мировые религии, как мы дальше увидим.

С другой стороны, есть и другой, диаметрально противоположный полюс мысли, предлагающий нам сполна осознать тот факт, что наша судьба только в наших руках, что зависит она лишь от нашего совершенствования, без уловок и обманов, в полноте нашей свободы, но зато

тут мы уже не можем рассчитывать ни на чью помощь. В этой перспективе мы одни отвечаем за самих себя, но при этом мы и в самом деле одни, в полном одиночестве. Каждый сам за себя.

Ислам вполне соответствует такой схеме; но сегодня подобную идею спасения нам предлагают чаще всего индуизм и буддизм, через широко распространившееся у нас учение о «карме».

Конечно, я хотел бы поговорить об этих противоположных полюсах лишь для того, чтобы прояснить значимость совсем другого подхода. Таким подходом будет возвращение к христианству, но к христианству мистическому, такому, о котором почти совсем ничего не знают современные западные богословы. Они сегодня, как я уже говорил, остаются всего лишь философами. Когда они пытаются что-то сказать об опыте мистиков, то есть тех людей, которые и в самом деле «видели Бога», – то неизбежно сводят его к рационально познаваемым психологическим феноменам, к компенсации или фрустрации...

Я хотел бы предложить здесь совсем другой путь, безумный, фантастический, невероятный. Но я попытаюсь также показать, что это и есть подлинное христианство, и что оно-то, на самом деле, и укоренено в традиции. И тут вдруг открывается ошеломляющая перспектива, совершенно невозможная еще в начале прошлого века: навстречу такому мистическому видению выходит современная наука, и встреча эта тоже удивительна.

Глава I. Спасение, врученное нам извне: в христианстве

Сначала рассмотрим, как проявляется такое течение мысли в христианстве, и в частности, в традиции католицизма. Речь здесь, конечно, пойдет с позиций критики такого направления мысли. И было бы несправедливостью свести к нему всю католическую традицию. Чтобы убедиться в такой несводимости, достаточно будет вспомнить об одной-единственной книге – «О подражании Христу»⁵, совершенно мистическом сочинении, настоятельно призывающем к личному обращению. Но дело в том, что вышеозначенное направление мысли все же настойчиво присутствует в той же самой Церкви и нанесло ей немало ущерба. И это одна из причин того ожесточенного отворачивания от Церкви, свидетелями которого мы сегодня являемся. Рассмотрим здесь ряд кратких примеров.

Есть несколько обрядов и молитв, которые, как кажется, должны непосредственно воздействовать на сердце Господа, освобождая тем самым грешника от необходимости обращения.

⁵ Широко известная в католической традиции книга «О подражании Христу» (XV в.) приписывается авторству немецкого августинского каноника, католического монаха, писателя и мистика Фомы Кемпийского (прим. перев.).

1. Молитва за других

Красивая проповедь

Помнится, однажды мне довелось услышать проповедь, которая является лучшей иллюстрацией к такому направлению мысли. Это было в Гренобле, на мессе, на которой я проходил конфирмацию. Произнес эту проповедь один из священников, служивших при лицее Шамполион, где я был тогда школьником. Этот священник отличался силой мысли и широким культурным кругозором, за что по праву пользовался всеобщим уважением. Уже тогда манера обращения к нам наших священников была напрямую связана с их предчувствием, почти знанием, что по окончании этой торжественной церемонии они нас больше уже не увидят; а если и увидят, то еще всего лишь несколько раз, по случаю других торжественных событий в наших жизнях: на венчании, на крещении наших детей, и, наконец, когда придет наш момент отдать душу Богу, на отпевании. Вот поэтому-то проповедь эта и звучала так похоже на прощание, а проповедник словно пытался, пользуясь случаем, дать нам как бы последнее наставление, аккумулировать в ней все те мысли, которыми мы бы могли затем руководствоваться в наших жизнях, и даже, может быть, когда-нибудь позже, в момент отчаяния и беды или же в последние мгновения жизни, мы смогли бы, вспомнив эти слова, найти путь к Богу. Он пытался нас убедить, что, даже если мы все забросили, не молились, не ходили в церковь, не участвовали в Таинствах, даже если мы вели жизнь неисправимых грешников, то даже тогда еще не все потеряно.

Итак, наш священник именно в такой перспективе говорил нам о милосердии Божиим. Но, чтобы надежнее выйти к такому милосердию, он советовал нам прибегнуть к посредничеству Богородицы, Пречистой Девы Марии. И объяснил он это тем, что Бога, несмотря на всю Его любовь, все же удерживает Его же справедливость. Ведь Он отвечает за мировой порядок, поэтому, несмотря на любовь, Он не может прощать так, как Ему бы того хотелось. Мария же, наоборот, такой ответственностью не наделена, вот поэтому-то Богородица, говорил нам проповедник, может уступить движению собственного сердца и стать нашим ходатаем и адвокатом без всяких оглядок. Она обратится с ходатайством к своему Сыну, и Тот не сможет Ей отказать, как это уже было на брачном пире в Канне Галилейской. И поскольку Христос и сам Бог, то Богу-Отцу ничего другого не останется, как подтвердить Его решение, вот все и получится.

Конечно, последняя фраза звучала не так. Все было сказано гораздо тоньше и лучше, более благородным языком. Но, в конце концов, все сводилось к тому же. Я помню, что эта проповедь вызвала у всех очень живую реакцию. Выходя из церкви, «верные», то есть главным образом родители учеников, оживленно о ней спорили. Многим было не по себе от идеи Бога, который оказывается в тюрьме у собственной справедливости, тогда как одно из Его творений, пусть даже лучшее и чистейшее из всех, способно любить как бы больше Его самого, да еще и припереть Его этой любовью к стенке.

Что же это за Бог, который умеет прощать лишь по ходатайству Матери своего Сына? Либо Он вообще не умеет прощать, и тогда уже ничто не заставит Его изменить решение, либо Он все же прощать умеет, но тогда нет никакой надобности в том, чтобы кто-то смягчил Ему сердце.

И что же это за спасение, которого, по большому счету, мне даже нет надобности просить самому, поскольку кто-то другой может выпросить его для меня, даже без моего ведома! Потому что именно таким образом мы чаще всего и представляем себе действие в Церкви «механизма» заступнической молитвы. Даже в этих чудесных иконах деисусного чина, изображающих заступническую молитву: в них Христос дан в центре, обычно сидящим на троне, а

по обеим сторонам от Него стоят, обратившись к Нему, чуть склонив головы, Божия Мать и святой Иоанн Креститель, в позе моления, словно прося и умоляя. Стоит только обратиться к ним, и мы добьемся того, что они передадут нашу мольбу Господу Христу, и тогда мы сможем добиться прощения грешника; конечно, этим грешником можем быть и мы сами, но им может ведь оказаться и кто-то другой, кто-то, чье спасение кажется нам компромиссом, кто-то, кто знать не знает о том, что мы молимся за него, и кто плевать хотел на это самое спасение.

Конечно, верно и то, что порой мы выражаем такое положение вещей точнее, когда говорим, что хотим добиться не прощения грешника, но его обращения. Но все равно остается та проблема, что даже такое обращение оказывается здесь пожалованным извне, словно по мановению волшебной палочки, которой фея превратила тыкву в карету, словно Бог может мгновенно низринуть на голову грешника «благодать», способную обратить его в один-единственный миг.

Поймите меня правильно. Я вовсе не сомневаюсь в действенности молитвы, не только за себя, но и за других. Но те образы и слова, которые мы часто используем при этом, уведут нас на ложный путь. Даже сам термин «заступнической молитвы», сама мысль о том, что святые, и среди них сама Мать Божия, могут «заступаться» за нас, то есть вместо нас обратиться к Богу, умолять Его, и, в конечном счете, как бы заставить Его передумать и уже не так строго обращаться с нами. Сама схема такого представления выводит нас на полном ходу в мифологию. Люди, конечно, не анализируют ее подробно, как я сейчас, но у них остается смутное ощущение, что что-то не так, и это ощущение не исчезает. Так что протестанты отказались от такой мифологии вполне законно. Однако, сделав это, они не сумели увидеть, что этот неприемлемый язык скрывал другую, более глубокую тайну, и вместе с водой выплеснули и ребенка, лишив себя, как мы увидим дальше, бесценного сокровища.

И все же сегодня уже невозможно по-прежнему держаться за этот язык. Он больше «не работает». Если нам и в самом деле больше нечего выставить на продажу, то нашим менеджерам по рекламе стоит проверить, как у них с воображением. И еще! Это верно, если можно так выразиться, не только на внутреннем рынке, но и при предложении товаров на экспорт. Если мы не научимся говорить по-другому, то скоро даже в центральной Папуасии площади наших рынков сморщатся, как шагреновая кожа. К тому же, проблема ведь не только в стремительном падении объема продаж! Проблема, как мы видели, и с самими продавцами. Их сегодня уже просто невозможно найти, и все потому, что такие речи уже никому не интересны.

2. Накопление заслуг ради других

Теология «заслуг» очень легко уходит в те же самые искажения. Когда заслуги относятся непосредственно к тому, кто их самолично «заслужил», они все же предполагают хоть какую-то степень обращения человека. Хотя это и выражено здесь довольно меркантильным языком. Мы «спасаемся», словно торгуясь при этом с Богом: даем для того, чтобы нам что-то дали взамен. Как это далеко от ситуации чистой, безумной любви. Но, если выйти за рамки неуклюжести словаря, здесь хотя бы налицо личное усилие человека.

Но целый пласт христианской духовности в его католической разновидности предлагает нам накапливать заслуги, которые будут приписаны другим. Приписаны кем? Самим Богом. Он простит Петру из-за заслуг, «накопленных» Павлом. Да, сделка эта действительно выглядит кошмарно. Если у Него и в самом деле есть власть прощать, если Его прощения достаточно, чтобы кого-то спасти, почему бы не даровать его просто так? Тем более, что запрашиваемая цена часто оказывается ужасной, даже чудовищной.

Садистский Бог традиционной теологии

Теологическая картина, в которой Бог-Отец требует жертвенной смерти на Кресте от собственного Сына только ради того, чтобы даровать нам спасение, и в самом деле производит впечатление «садизма». Самым знаменитым выражением такой теологии стала, конечно, проповедь, произнесенная Боссюэ перед королевским двором в Страстную пятницу 1660. Стоит ее процитировать:

«Он [Бог-Отец] оттолкнул своего Сына и распростер нам объятья; на Него Он посмотрел в гневе, а на нас кинул взгляд, полный сострадания... Его гнев прошел, разразился и утих, ударив при этом по Его невинному Сыну, боровшемуся с гневом Бога. Вот что свершилось на Кресте; вплоть до того, что Сын Божий, прочитав в глазах Отца, что Тот теперь сполна умиротворен, увидел наконец, что пришла пора покинуть этот мир».

Стоит обратить внимание на сам «механизм» такого искупления. Христос здесь мог бы, вероятно, умереть раньше, а значит и меньше страдать. Но ведь именно Его страдание как раз и умиротворяет постепенно гнев Отца. Поэтому, ради нашего спасения, Ему как раз и не следовало бы умереть слишком быстро, Он должен был сполна оплатить счет Отцу собственными страданиями. Подобный Бог, конечно, весьма смахивает на чудовище, даже если мы попытаемся смягчить ситуацию, объяснив, что Отец требует подобных страданий от Сына исключительно из любви к нам.

И не стоит рассказывать басни, что такая теология кажется шокирующей только для современного порога чувствительности, или потому, что мы перестали ее понимать. Уже в IV веке святой Григорий Богослов протестовал против подобного понимания Страстей Христовых: «... по какой причине кровь Единородного приятна Отцу, Который не принял и Исаака, приносимого отцом, но заменил жертвоприношение?...»⁶. И тем не менее, увы! У кардинала Ратцингера были все основания для того, чтобы сказать несколько лет назад, что как раз тут мы и находим «самую распространенную христианскую идею искупления»⁷.

⁶ Григорий Богослов, свт. Слово 45 // Он же. Творения: В 2 т. Т. 1. СПб.: изд-во П.П. Сойкина, 1912. С. 676.

⁷ Foi chrétienne, hier et aujourd'hui (Mame, 1969, p. 156).

Усовершенствованный Катехизис

Новый «Катехизис Католической церкви» постарался избежать большинства прежних ошибок, но сохранил при этом прежний словарь, прежний, увы, традиционный язык: вот только искупительная роль крестной жертвы связывается в нем уже не со Страстями Христовыми, а с Его любовью. После нескольких цитат из Писания, не вполне соответствующих этой схеме, там дано следующее заключение: «Иисус возместил нашу вину и принес Отцу удовлетворение за наши грехи»⁸.

В следующем параграфе предпринята попытка улучшить эту древнюю концепцию нашего спасения, но, увы, авторы при этом так и не дерзнули порвать четко и ясно с этой ужасной традицией. Пытаясь без конца поддерживать миф о непогрешимой церкви, мы делаем только хуже. Вот этот текст:

«Именно “любовь до конца” (Ин 13:1) наделила жертвоприношение Христа искупительной и спасительной, очистительной и возмещающей ценностью».

Однако издревле и до наших дней существует совсем другая версия христианства, всегда отказывавшаяся от такого непотребства: традиция христианского Востока, сегодня представленная православием. Особенно отчетливо выглядит такой отказ на фоне того, что и в истории православия были богословы, пытавшиеся ввести в обиход эти западные категории. Реакция на это, из самой глубины традиции, не замедлила заклеить эту карикатуру на Божию любовь⁹. Для нас в такой перспективе неприемлем не только тот факт, что наше спасение оказывается купленным слишком дорогой ценой, но еще и то, что пожаловано нам тут это спасение всецело извне. Хорошо, пусть гнев Отца будет, наконец, умиротворен, тем лучше, но не очень понятно, как такое умиротворение может сделать грешника хоть немного лучше. А ведь такой «механизм» искупления мы то и дело встречаем в западной духовной литературе.

«Искупительное» страдание в жизни святых

Тема эта восходит прямиком к посланиям апостола Павла, сказавшего по поводу скорбей: «...восполняю недостаток в плоти моей скорбей Христовых...» (Кол 1: 24).

Вслед за апостолом Павлом и многие святые стремятся принести себя в жертву, чтобы соучаствовать тем самым в страданиях Христа, вернее, в Его Страстях. Вот, например, что написала девятилетняя девочка, которой затем суждено было стать одним из величайших мистиков нашего времени. Текст этот датирован 1911 годом, и написан маленькой девочкой. Пусть стиль не помешает вам его понять:

«О мой дорогой Иисус...
Лишь для Тебя я буду жить.
Я буду работать, молча,
И, если Тебе будет угодно, я, молча, многое выстрадаю.
Я умоляю Тебя: сделай меня святой,
Великой святой, мученицей.
Позволь мне всегда оставаться верной.
Я хочу спасти много душ...»¹⁰

⁸ Катехизис Католической церкви. М.: Культурный центр «Духовная Библиотека», 2001. § 615 и 616.

⁹ См. об этом: Франсуа Брюн. Чтобы человек стал Богом. СПб.: Алетейя, 2014. С. 430–433.

¹⁰ Docteur P. Mathéo et René Laurentin. L'Amour plus fort que la souffrance, histoire médicale d'Yvonne-Aimée de Malestroit (Éditions F.-X. de Guibet, 1992, p. 18).

Это непосредственный отпечаток в душе исключительно щедрой, в душе ребенка, всех тех благочестивых речей, которые произносились веками. Позднее, когда Ивонна Бовэ станет сестрой Ивонной-Эме Иисусу са, ее просьба будет удовлетворена с избытком. Ее медицинское досье выгладит удручающе. Но нас сейчас интересует тот смысл, который она сама придавала своим страданиям, и который вполне соответствует ее изначальному стремлению, выраженному в девятилетнем возрасте.

24 июля 1924: «Сейчас Крест явлен во всех своих формах. Я страдаю за Малеструа и за благо человеческих душ».

9 января 1925: «О, Иисус, все эти страдания ради Твоих душ. Я взяла на себя труд искупить все кощунства, все грехи гордыни, зависти, ревности, роскоши, лени, чревоугодия, жадности, гнева моих 312 душ¹¹. Я хочу заплатить за нехватку милосердия, за пренебрежение уставом, за все те прегрешения, которые оскорбляют Тебя в посвященных Тебе душах. Чтобы это исправить, я хочу страдать всем телом. Я всю себя вручаю Твоей справедливости. Умиротвори ее на мне... Я хочу спасти души»¹².

Тут заключена вся традиционная теология. Я вас не обманул. Не преувеличивал. Речь идет о том, чтобы «искупить», чтобы «заплатить» за «оскорбления». Зачем? Чтобы «спасти души». Как? Умиротворив божественную «справедливость». Каким образом? Страдая всем телом! Только так. И даже термин «умиротворение» подходит ведь не только к идее справедливости. Более того, справедливость обычно «удовлетворяют». А «умиротворяют» гнев.

К сестре Марии-Марте Шамбон¹³ Христос обращается с речью, вполне соответствующей подобной теологии:

«Я наделяю тебя ответственностью за недостатки твоего ближнего... Ты будешь жертвой, чтобы каждый день искупать грехи всех¹⁴ [...] Вам нужно достичь благодати через страдание¹⁵ [...] Я даровал тебе страдание, чтобы несколько душ смогли выйти из Чистилища»¹⁶.

Речь идет о самых разных страданиях, и Христос самолично их требует. Он требует, чтобы она спала на голом полу, и ей не удается уснуть, пока настоятельница не разрешает ей этого¹⁷. Он приказывает ей носить власяницу днем и ночью, и когда настоятельница повелевает ее снять, она испытывает такие невыносимые мучения, что ей приходится ее вернуть. Христос требует, чтобы перед сном она надевала терновый венец. Настоятельница это запрещает. Но сестра Мария-Марта серьезно заболевает и выздоравливает лишь после того, как ей и это разрешают¹⁸. Позже, опять по приказу Христа, она заменяет терновый венец железным, «из которого торчат иголки». Это маленькое чудо изящества, конечно, слишком элегантное для нее, причиняло ей такую боль, что она «впала в искушение снять его и положить рядом с собой». Но тогда Иисус Христос явился ей на Кресте в невероятных страданиях, Его лоб пронзали иглы терновника; крупные слезы катились у Него из глаз... и искупительная Кровь сочилась из всех ран на этой святой Голове: «Дочь моя, Я не снимаю Своего венца», сказал ей Спаситель, и это прозвучало, как любовный упрек. При этих словах наша сестра сконфузилась; она «подняла свой венец и с тех пор больше не пыталась его снять»¹⁹.

¹¹ Речь идет о тех душах, которым она стала духовной матерью.

¹² Ibid., p. 218.

¹³ Сестра монастыря Посещения в Шамбери (1841-1907).

¹⁴ Речь идет о других сестрах этого монастыря. Soeur Marie-Marthe Chambon (Édition de la Visitation à Chambéry, sans date, p. 140).

¹⁵ Ibid., p. 134.

¹⁶ Ibid., p. 256.

¹⁷ Ibid., p. 34–35.

¹⁸ Ibid., p. 35–37.

¹⁹ Ibid., p. 193–194.

Все это может показаться крайностью, интересной только психиатрам, но довольно сомнительной. Да и Церковь несколько сдержанно относится к сестре Марии-Марте, которую так пока и не канонизировали. Но, в действительности, мы находим много похожего и в житиях общепризнанных святых. Так одной (прекрасной) ночью Христос явился святой Екатерине Сиенской с двумя венцами, предложив их ей на выбор. Первый был из золота, украшенный жемчугами и драгоценными камнями, второй был терновый. Конечно, святая Екатерина отреагировала так же, как это сделала бы любая из вас, дорогие дамы. «Ни минуты не сомневаясь, Екатерина протянула руку к терновому венцу... И Иисус так сильно надвинул венец ей на голову, что потом она уже всегда чувствовала, как иглы вонзаются ей в лоб...» Здесь речь идет всего лишь о видении. Но результат и смысл остаются все теми же²⁰.

Даже святую Терезу из Лизье можно порой заподозрить в этом же направлении мыслей. Когда она предстала в видении другой Терезе, Терезе Нойманн, чтобы ее исцелить, то при этом не преминула сообщить ей: «... тебе придется еще много и долго страдать, и никакой врач не сможет тебе помочь... Страдание спасет больше душ, чем даже самые блестящие проповеди»²¹.

Часто, чтобы пробудить героизм, перед святым или святой предстает сам Христос, требуя, чтобы они заранее согласились на те испытания, которых от них ждут, и объясняя, что это нужно, чтобы спасти души. Вся западно-христианская мистическая литература полна рассказов о таких святых, заранее согласных на собственную жертву. Если даже речь не заходит о физических страданиях, на их месте обязательно возникают нравственные или духовные страдания, что тоже не лучше.

Так Христос возвещает сестре Консолате Бетрон: «Я не дарую тебе стигматов, как твоему Отцу святому Франциску, но зато Я дарую тебе все печали Моего сердца и души». И еще: «Сегодня утром Я, Распятый, снизойду к тебе и со-распну тебя вместе с Собою»²². Хорошенькая перспектива, не так ли? Многие на такое предложение вскрикнули бы: «Господи, Вы слишком добры! Пусть Ваши сокровища останутся при Вас, если у Вас не найдется для меня чего-нибудь другого».

Когда такие признания читают наши современники, у них нередко возникает чувство, что подобный Бог любви слишком уж упивается страданиями. Жертв своей любви он любит здесь любовью Дракулы. Подобная литература вызывает сегодня ожесточенный протест еще и потому, что не очень-то заметно, чем же это, так настоятельно требуемое, страдание, может облегчить путь грешника к вечному спасению.

Итак, мы рассмотрели здесь несколько тем, весьма характерных для католического богословия, когда внешнее по отношению к нам и совершенно не зависимое от нашей воли действие может напрямую воздействовать на волю Бога и обеспечить наше спасение. Но есть еще и другой ряд обрядов или текстов, которые вроде бы должны воздействовать уже непосредственно на сознание грешника и быть в состоянии изменить его, при том, что со стороны грешника тут не заметно ни малейшего личного усилия и в самом деле обратиться и изменить свою жизнь.

²⁰ Johannes Joergensen. Sainte Catherine de Sienne (Beauchesne, 1924, p. 176–177).

²¹ Цитируется в книге: J. Steiner. Thérèse Neumann, la stigmatisée de Konnersreuth (Éditions Meddens, 1965, pp. 6-9).

²² Lorenzo Sales. Soeur Consolata Betrone (Éditions Salvator, 1963, p. 332–334).

3. Теология крещения

Очень «поучительный» пример

Мы начнем с примера, который может показаться вам карикатурным. Но он при этом вполне реальный, и, как мы увидим дальше, всецело укладывается в логику вполне официальной теологии. Я почерпнул его из собственного опыта преподавания в семинарии. Это было не так уж и давно, где-то в годах 1970-х.

Одному из моих братьев, входивших в небольшую группу «директоров» этой семинарии, поручили произнести воскресную проповедь перед будущими священниками. Поскольку тот человек довольно долго пробыл приходским священником, он любил в проповеди опираться на реальные случаи из жизни: сначала их рассказывать, а затем комментировать. В тот день ему хотелось дать нам великий образец веры, привести пример, который, по-видимому, его самого очень вдохновил.

Речь шла о женщине, у которой было много детей. Поскольку она была правоверной христианкой, то все они, разумеется, были крещены. К сожалению, один из них был тем несчастным, которые часто оказываются загадкой как для нашего разума, так и для нашего сердца. Он был умственно отсталым. Этот момент мой брат подчеркнул особенно настойчиво, чтобы его пример прозвучал для нас как можно поучительнее. Далее цитирую по памяти:

«Итак, этот мальчик был совершенно слабоумен, он был неспособен даже отличить да от нет. И, подумайте только, эта женщина была так исполнена веры, что однажды сказала мне: для меня великое утешение думать, что в спасении хотя бы этого своего сына я вполне могу быть уверена!»

Когда несколько недель спустя мой брат привел снова тот же самый пример все с тем же эмоциональным накалом, я уже не выдержал и вмешался. Я заметил, что ему стоило бы посоветовать этой женщине взять хороший молоток и треснуть как следует по головам остальных своих детей, чтобы они стали такими же слабоумными, как и этот. Ведь тогда спасение и им будет сразу гарантировано! Я помню, что мой брат так и не понял, почему же я так странно отреагировал на его слова.

Тогда чего же стоит такой рай, который Бог якобы может нам вручить даже без малейшего шага к этому с нашей стороны, рай, который может получить кто угодно без всякой подготовки? Даже тот факт, что он приурочен главным образом для слабоумных, уже почти ничего в этой картине не меняет. Я знаю немало людей, которые такому раю предпочтут ад, хотя бы для того, чтобы иметь там возможность встретиться с умными людьми.

Источник: блаженный Августин

Конечно, можно продолжать верить, что такой пример ровно ничего не значит. Мне возражат, что среди представителей любой профессии всегда хватает глупцов, что и сами мы все порой произносим откровенные глупости. Но настоящая драма вовсе не в глупости упомянутого священника, а в том, что та проповедь вполне соответствует богословию блаженного Августина, так хорошо усвоенному Церковью. Вглядимся в проблему более пристально, поскольку, к сожалению, такое богословие оказало глубокое влияние на всю нашу западную культуру.

В учениях всех христианских церквей мы находим идею солидарности, скрепившей собой все человечество, круговой поруки, как в добре, так и в зле. Относительно зла у нас есть доктрина «первородного греха». Но блаженный Августин изобрел свой вариант этой общепризнанной доктрины. Поскольку он так и не выучил должным образом греческий, он неверно

понял один из текстов апостола Павла, понял его с точностью до наоборот; потом он и сам заметил ошибку, но было уже слишком поздно. На таком неверном истолковании он уже успел построить все свое богословие, так что не стал уже ничего менять, просто подправил Павла, приписав ему ту мысль, которую вычитал у него прежде по ошибке²³.

Что же он тут изобрел? А то, что все мы соучаствовали в грехе, совершенном Адамом (как первочеловеком). Поэтому каждый из нас, появившись на свет, каким бы розовым и свеженьким младенцам ни казался, уже самым актом своего рождения справедливо заслуживает вечного осуждения.

Единственным способ, по Августину, такого осуждения избежать – таинство Крещения. Для него даже не встает вопроса о том, что это должно быть крещение по желанию, или хотя бы по имплицитному желанию, все это уже более поздние измышления. А ведь он жил в ту эпоху, когда детская смертность была очень высокой, и видел в своей жизни множество детских смертей, видел, что далеко не всех этих умирающих детей успевали крестить, что лишь некоторым из них повезло настолько, что перед смертью они успели получить крещение. И в том и в другом случае, речь ведь шла о детях, которые не успели совершить в этом мире еще ничего, ни добра, ни зла. И он пришел к выводу, что одни из них были предопределены свыше к вечному осуждению, во имя справедливости, а другие предопределены к вечной жизни, из милосердия; из чистого милосердия, потому что те, кому через крещение было таким образом даровано спасение, никоим образом не могли бы успеть это спасение заслужить²⁴.

Практическое применение

Итак, если кратко, хотя и без искажений, резюмировать нашу мысль, то получится следующая схема:

Ребенок родился в 8 часов утра. Быстро замечают, что ребенок не выживет, зовут священника. Священник приходит в 8.10 и сразу крестит ребенка. Тот спасен. Другой сценарий: священник приходит в 8.20; он задержался, потому что попал в пробку. Но ребенок уже умер. Он осужден навеки. Его, словно посылку, отправляют в рай или в ад, но ведь он даже не смог сказать ни да, ни нет. Исповеданием веры тут займется почтовое окошко, принявшее посылку. И если нас инстинктивно обескураживает идея, что младенец может оказаться в аду, вообще ничего дурного не сделав, в действительности не менее обескураживающей оказывается и идея, что и в раю тоже можно очутиться просто так, без всякой подготовки, без личного усилия с нашей стороны, то есть в точности так, как наш умственно отсталый, чье спасение казалось столь гарантированным моему собрату.

Именно такую теологию и насаждали веками. Да и сегодня часто не лучше: в деревнях возле новорожденного на ночь часто оставляют зажженную свечу, чтобы, если вдруг ребенок начнет задыхаться, можно было бы быстро вмешаться и крестить его даже без священника. Поскольку, по народному верованию, от этого зависит его вечное спасение.

Как мы дошли до этого?

Все это основано на грубой интерпретации слов Христа, с которыми Он обращается к Своим ученикам, посылая их в мир: «Итак идите, научите все народы, крестя их во имя Отца и Сына и Святаго Духа» (Мф 28:19). Отсюда вывели абсолютную необходимость крещения ради

²³ Подробнее см. об этом в моей первой книге: Франсуа Брюн. Чтобы человек стал Богом. СПб.: Алетейя, 2014. С. 130–135. См. также мою книгу: François Brune, St Paul, le témoignage mystique (Oxus, 2003, p. 95–101).

²⁴ См., например: Saint Augustin, Lettre 190. Ii, 104 P.L. 33, 860–861. См. этот отрывок вместе с моим комментарием в моей книге «Чтобы человек стал Богом» (ук. изд., с. 88–89).

получения спасения. Учебники теологии объясняют, что бывают две разновидности необходимости:

1) *Необходимость правила*: например, чтобы приехать в Бразилию, нужна виза. Но если вы уже в Гвиане, то вам достаточно будет пересечь лес, и вы сразу попадете в Бразилию. Вы окажетесь там нелегально, но все же окажетесь там.

2) *Необходимость средства*: чтобы приехать в Бразилию, нужно пересечь море, на корабле или на самолете, не важно, но пересечь нужно. Так вот, для нашего спасения нам нужно Крещение, и это такая же точно необходимость.

Читая тексты величайших мыслителей первых веков христианства, мы, мне кажется, стали жертвами слишком «буквального» понимания содержащихся в них выражений. Когда они комментируют обряд Крещения, подчеркивая его итоги, они поступают примерно так же, как тот священник, которого я описывал выше. Они объясняют, что, если вы всем сердцем участвуете в этой церемонии, после долгой подготовки, пытаясь безоговорочно ответить на любовь Божию, то такое событие «отметит» вас на всю оставшуюся жизнь, вы уже никогда его не забудете. Отсюда и сравнение того глубокого отпечатка, который оставляет в нашей жизни и душе Крещение, с ярмом, которым запечатлевают овец, чтобы можно было узнать по нему, кто их хозяин. Так и Крещение представлялось подобным ярмом, возвещающим нашу принадлежность ко Христу.

Увы! и тысячу раз, увы! такое «ярмо» стали затем постепенно интерпретировать, как «онтологический» знак, как отпечаток, подлинно изменивший саму природу крещаемого, само его «бытие». Отсюда, очевидно, и проистекает та принципиальная разница, есть у нас это ярмо, или нет. Это уже не вопрос доброй воли или щедрости, а просто вопрос факта. В случае эпидемии вопрос звучит уже так: сделали вы прививку или нет. Щедрость врача тут уже ничего не меняет. Мы оказываемся с головой в «необходимости средства».

Как, ничего не меняя, уменьшить ущерб

Конечно, богословы издавна предпринимали похвальные усилия, пытались смягчить невыносимость и абсурдность подобной теологии. Уже блаженный Августин, под давлением негодующей реакции многих из своих современников, признал в конце концов, что маленькие дети, умершие без крещения, претерпевают в аду самые легкие наказания. И все же он продолжал утверждать, что они навсегда останутся «cum diabolo» (с дьяволом).

Начиная с XIII века изобрели специальное место, или промежуточное состояние, которое стали называть «лимбом». Это был, конечно, не рай, даже речи не шло о возможности соединения с Богом, но это был уже и не ад. Дорогие «детки» (как вздыхают о них сочувственно сегодня), которым пришлось отправиться в мир иной без печати крещения, могли бы там мирно жить в чем-то вроде «естественного» блаженства. Я помню, как в 1960 в парижском Католическом институте наш профессор догматического богословия еще и тогда пытался отправить в это воображаемое место немало народа, заверив нас, что, хотя там и нельзя созерцать Бога, но все же можно наслаждаться «фрагментарными истинами» и «позитивным интеллектуальным удовлетворением»²⁵. Я убежден, что такая волнительная перспектива вполне может успокоить притязания большинства людей.

А вот, оказывается, нет! Я помню, что, когда я преподавал Священное Писание в семинарии в Родезе, в 1966 сестра одного из моих учеников имела несчастье родить мертворожденного ребенка. Через несколько дней, когда она еще лежала в клинике, пытаясь оправиться после перенесенных тяжелых физических и особенно моральных испытаний, ее навещил один

²⁵ R.P. de Brogile. De la place du surnaturel dans la philosophie de saint Thomas (Recherches de Sciences Religieuses, mai-août 1924).

из ее дядей, приходской священник. Этот добродушный священник почел своим долго про-светить ее относительно судьбы ее бедного ребенка, заметив, что он попадет не в ад, а в лимб. Не знаю, как описал он ей лимб, но оказалось, что та программа удовольствий, которая в этом описании ожидала там ее малютку, матери показалась недостаточной. (Наверное, тот добрый батюшка забыл упомянуть о «позитивном интеллектуальном удовлетворении»!) Мысль о том, что ее малютка никогда не будет с Богом, ей показалась невыносимой. И, в расстройстве чувств, она сказала своему дяде-священнику: «Если нужно кого-нибудь наказать (зачем, спрашивается?), пусть Бог накажет меня, а не моего малыша». Но это уже крик любви, а никакая не теология.

Уколы, впрыскивающие Божественную жизнь (за счет пациента)

Стоит признать, что веками наши христианские церкви приписывали крещению почти магический эффект. Я помню, как в 1945 в кафедральном соборе Кемпера одну из проповедей Великого поста проповедник посвятил инструктажу, как будущие мамы должны крестить своих детей в ситуации «преждевременных родов». Он показал им всю степень их ответственности за то, что ребенок, над которым не будет сделано то, что нужно, навсегда останется в лимбе и будет лишен возможности видеть Бога. Он также объяснил им, как надо действовать. Им нужно взять ножницы и сделать надрез так, чтобы вода крещения и в самом деле попала на ребенка. Я помню, что многие из этих женщин вышли из собора, обеспокоенные, и даже чувствующие себя виноватыми, что не поступили, как нужно, когда подобная ситуация была и в их жизни. Позднее в богословских книжках я вычитал, что есть и более простой метод: шприц. Но тут подобная теология уже начинает выглядеть смешно (наконец-то!).

Процесс этот едва начался, потому что в 1960 (в самый разгар Средневековья, ага!) в семинарии при парижском Католическом институте (а вовсе не в захолустном училище на краю земли!), он еще не далеко продвинулся. Я помню, что нас тогда только-только рукоположили во священники, и что специальному профессору поручили тогда показать нам, детально и подробно, как правильно крестить ребенка и какие движения нужно при этом делать. Он объяснил нам, что у некоторых новорожденных уже бывает достаточно волос. Нужно следить за тем, серьезно объяснял он нам, чтобы правильно убрать волосики в сторону, чтобы вода крещения попала ребенку на череп. А если она туда не попадет, то благодать Божия просто не сможет пройти. Ради исторической точности картины стоит признать, что мы при этом разразились смехом!

То же магическое восприятие таинства крещения побудило когда-то афонских монахов разъяснить мне, что и сам-то я был крещен, оказывается, неправильно. Я очень хорошо помню одного старого румынского монаха из скита Продром на Афоне. Я поджидал лодку, которая должна была отвезти нас к более дальним зонам святой горы. Я был с несколькими другими священниками, моими учениками. И этот чудесный монах, совсем старей, согбенный, морщинистый и беззубый, совсем настоящий, как решила бы Сильви Жоли, пытался нам объяснить, что «крестить» кого-то – значит полностью погрузить его в воду. И это правда, это первое значение этого греческого слова. Крещение, при котором просто льют воду на голову, крещение «опрыскиванием», как он это назвал, не имеет никакой ценности. И поскольку мы столь серьезную информацию восприняли слишком легко, он любезно попытался нас пристыдить: «Нехорошо!», с таким видом, с каким говорят: «Над чем смеетесь-то!».

Я думаю, что эволюция еще не завершилась. Битва тут довольно жестокая, ведь и в самом деле очень многие из первохристианских текстов серьезно настаивают на необходимости крещения, так что вполне может после таких текстов показаться, что никакой другой перспективы

спасения просто нет. Однако, занявшись этим вопросом вплотную, мы заметим, что в Церкви всегда было другое, гораздо более универсалистское течение. Давно пора к нему вернуться.

Этапы медленной эволюции

Эволюция совершается не сразу, а поэтапно. Сначала признали, что, если человека сбил грузовик как раз тогда, когда он шел в церковь креститься, то он все же будет спасен. Это назвали «Крещением желания». Терминология, как видим, довольно забавная. Проще и точнее было бы просто дать понять, что для спасения достаточно уже одного только желания креститься. Но нет, нужно уважить абсолютную обязательность крещения, необходимость средства, без которого нет спасения. На уровне терминологии из-за такой увертки ничего не изменилось. Но в действительности разница есть: признали, наконец, что важнее всего внутренняя установка человека. А это уже настоящая революция!

Следующим этапом стало признание «Крещения имплицитного желания». Идея в том, что, если перед нами человек праведный, добрый и искренний, то это уже подразумевает, что, если бы он знал Христа и Евангелие, то обязательно бы принял Крещение. Заметим, что и здесь на уровне терминологии абсолютная обязательность Крещения по-прежнему соблюдена. Но в реальности признается, что спасение даруется не соблюдением обряда, а внутренней установкой. Революция кардинальная, потому что эта мысль очень важна, в конечно счете, и для крещаемого. Если достаточно «имплицитного» желания, то, а *forteriori*, и «эксплицитное» желание, ведущее ко Крещению, представляется уже даже важнее самого совершения обряда.

Хитрость со словарем оказалась просто гениальной, поскольку одним махом миллионы, даже миллиарды людей, до сих пор считавшиеся обреченными на вечные муки, вдруг очутились в той же ситуации, что и крещеные. Даже более того, они, оказывается, тоже «крещены», просто имплицитно, сами того не зная. То, чего не могли добиться тысячи миссионеров за все истекшие века, то наша маленькая словарная находка сделала в один миг. В действительности, это была настоящая теологическая революция, прикрытая консерватизмом традиционной лексики.

Интегрисы не зря сразу что-то заподозрили. Так что их реакция вполне закономерна. Ведь они уже успели полностью приспособиться к прежнему положению вещей. Образ мелочного Бога, бюрократа и палача, карающего маленьких детей, их отнюдь не смущал, по крайней мере, пока они сами были в лагере привилегированных. Меня, конечно, всегда возмущало, как они удобно устроились в такой теологии. Но при этом они не настолько глупы, чтобы не отдавать себе отчет, что, хотя новые богословы и сохранили старую лексику, они при этом все же совсем изменили столь привычный для них универсум. И тут уж я не могу с ними не согласиться. Ведь перемена произошла огромная, просто колоссальная! Вот только для них она кажется ужасным предательством, а для меня огромным облегчением. Я сожалею лишь о том, что произошла она так поздно, ведь необходимость в ней назрела уже давно. Церкви никогда не следовало проповедовать подобные ужасы.

Конечно, такая революция не могла пройти без продолжительного и упорного сопротивления. Я помню, как еще в 1970 году участвовал в арьергардных баталиях. Столкнулись мы тут снова с моим коллегой, профессором из семинарии. Он, конечно, признавал, что невинные и искренние некрещеные люди тоже будут спасены, но при этом пытался выгадать своеобразный бонус в виде дополнительных вечных благ для тех, кто крещен.

Даже не так давно, после переиздания моей первой книги²⁶ в 1992, один православный богослов отреагировал на нее весьма дружески, но очень похожим образом. С его точки зрения, нужно очень четко различать разные фазы в процессе нашего спасения: Христос, вопло-

²⁶ Чтобы человек стал Богом. Ук. изд.

тившись, преобразил нашу человеческую природу; но мы можем приобщиться к такому преобразению, только если воплотимся во Христа; а это, он полагает, может совершиться лишь «в Церкви и лишь посредством таинств». Так что меня он упрекал в том, что я своим богословием «преуменьшаю роль Церкви и таинств»²⁷.

Новый «Катехизис Католической церкви»

Чем бы оно ни было, это «крещение имплицитного желания», оно уже утверждено новым Катехизисом, и даже без упомянутой маленькой хитрости языка, хотя и не без аллюзий на нее. И в этом уже значительный прогресс: «Каждый человек, который, ничего не зная о Евангелии Христа и о Его Церкви, ищет истины и исполняет волю Божию настолько, насколько ее знает, может быть спасен. Можно предположить, что такие люди *высказали бы желание получить Крещение*, если бы знали о его необходимости»²⁸. Жаль только, что сохранили все же эту привязанность к формулам прошлого, отмеченную все тем же термином «необходимости».

К сожалению, такая схема искупления применима только к взрослым. При этом участь детей, умерших без крещения, так и не определена. И тут можно было бы ожидать большего от Церкви, претендующей на то, что она проповедует миру Бога любви: нам говорят, что Церковь доверила их милосердию Божию, а точнее, тому «великому Божьему милосердию» и «любви Иисуса к детям», которая «позволяет нам надеяться, что для детей, умерших без Крещения, существует путь спасения». Что же тогда все еще мешает нашим богословам говорить о таком спасении с уверенностью?²⁹

То, что этих детей не отправили автоматически в рай, без того, чтобы они научились любить, без сознательного выбора с их стороны, мне вполне понятно, потому что как раз такой автоматизм и смущал меня в приведенной выше истории с умственно отсталым ребенком. Но сомнение в том, что Бог предусмотрел для умерших без крещения детей иной путь спасения, кажется мне тяжким грехом сомнения в Боге, в Его любви ко всем нам.

И все же прогресс в этом отношении уже налицо, и Вселенский патриарх Варфоломей I тоже это подчеркнул (хотя и с ноткой снисходительности, на мой взгляд!). Я цитирую, обращая ваше внимание на то, что фраза в скобках целиком и полностью присутствует в тексте: в новом Катехизисе «устаревшие последствия августинизма преодолены (например, в отношении детей, умерших без крещения), так же как и крайности Ансельмовой концепции искупления»³⁰.

Меня лично очень радует похвала Константинопольского патриарха тем переменам, которые происходят в Римской католической церкви. Тем более что не так давно у меня были дискуссии на эту тему с некоторыми православными монахами, которые оказались как раз представителями противоположной тенденции.

Они возражали мне, что случай крещения является крайним случаем. В действительности, крещение, оторванное от своего подлинного смысла, имеет и негативные последствия, наподобие лишения спасения тех, кто не был крещен. Но одного крещения определенно недостаточно для спасения тех, чья жизнь текла обычным чередом. Только крещения, без всего остального, хватит для спасения лишь в случае маленьких детей, умирающих сразу после крещения.

²⁷ Жан-Клод Ларше, в своей рецензии на мою книгу «Чтобы человек стал Богом»: Jean-Claude Larchet, Pour que l'homme devienne Dieu // Revue d'histoire et de philosophie religieuse (Faculté de théologie protestante, Palais universitaire, Strasbourg, № 1992/4, p. 500).

²⁸ Катехизис Католической церкви. Ук. изд. § 1260.

²⁹ Там же, § 1261.

³⁰ SOP., (Service Orthodoxe de Presse), № 178 (mai 1993, p. 21).

Не стоит только забывать, что веками таких детей было очень-очень много. И для них, по такой теологии, обряда крещения уже достаточно для того, чтобы обеспечить им вечное спасение, даже без того, чтобы они хоть как-то могли в своем спасении поучаствовать.

4. Еще один способ отпущения грехов

Но вершиной таких уверток стал новоизобретенный способ отпущения грехов. В соборе святого Петра в Риме было несколько исповедален, в которых помимо всего прочего имелось еще одно странное дополнение. В Италии ниша исповедника часто отгорожена всего лишь маленькими дверцами, невысокими, вроде барных перегородок. Это позволяет священнику, слушая исповедь, внимательно следить при этом за тем, что происходит в храме. Итак, в соборе святого Петра некоторые исповедали оснащены еще и длинным шестом, прикрепленным к сиденью исповедника и щедро перевешивающимся через дверцы исповедали: это похоже на удочку, закинутую, чтобы поймать рыбку. Стоит кому-то преклонить колени перед такой дверцей, чуть в отдалении, чтобы не подслушать ненароком, в чем в это время исповедуется человек в исповедалине, и вот уже исповедник, ни слова не говоря, ударяет вас по плечу концом своей странной «удочки». Этот жест еще не разрешает вас от грехов, но как бы дает своеобразную епитимью за все вами содеянное. Я, конечно, знаю, что такая епитимья подействует лишь в том случае, если кающийся получит полное отпущение грехов, как и полагается, в таинстве исповеди, не важно, будет это до или после удара шестом. Но разница тут слишком тонкая для большинства людей, и я встречал очень многих вполне честных и искренних людей, совершенно убежденных, что этим ударом они получают полное отпущение всех своих грехов. И это кажется им очень удобным. Другие, уже не столь честные, отказываются вникать во все эти тонкости и просто хотят, вне зависимости от того, прощены они или нет, чтоб их избавили от такой неприглядной формы ответа за их прегрешения. Только эта неприглядность тут их и интересует.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.